

Николай
ЛЕОНОВ
Алексей МАКЕЕВ

Заброшенный **КАРЬЕР**

РУССКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

Полковник Гуров

Николай Леонов

Заброшенный карьер

«ЭКСМО»

2016

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Леонов Н. И.

Заброшенный карьер / Н. И. Леонов — «Эксмо»,
2016 — (Полковник Гуров)

ISBN 978-5-699-87323-4

По воле случая полковник Гуров оказывается на Северном Урале в странной деревне, отрезанной от внешнего мира горным хребтом и глубокой речкой. Внимание сыщика привлекает находящийся рядом с деревней заброшенный карьер. Именно в нем Гуров и участковый Чебриков находят тело пропавшего электрика Калинина, которого подозревают в хищении кабеля телефонной связи. Обстоятельства гибели Калинина кажутся Гурову странными, и он начинает расследование. Одновременно полковник выясняет, что из этого же карьера недавно была похищена взрывчатка, остававшаяся там после строительных работ. Оперативник уверен, что и убийство электрика, и кража взрывчатки – эпизоды одного дела, но даже не подозревает, куда ведут следы этого преступления.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-87323-4

© Леонов Н. И., 2016
© Эксмо, 2016

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	15
Глава 3	26
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Николай Леонов, Алексей Макеев

Заброшенный карьер

© Леонова О.М., 2016

© Макеев А., 2016

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

Глава 1

Ей снился долгий и утомительный путь. Она не видела дороги под ногами, не видела в этом сне каких-то препятствий на своем пути. Просто знала, что путь ее был долог и очень утомителен. Утомителен в своем однообразии, в своей серой тоске. И это была не физическая усталость, это была безысходность человека, которому некуда идти. Шла-шла, и вдруг пустыня, в которой нет даже эха.

Нет, она не металась, не кричала, не рвала в стенаниях волосы и одежду. Она просто брела и брела. Ей встречались люди, но все какие-то серые и... плоские, не имеющие объема. Они были больше похожи на фанерные щиты с наклеенными на них фотографиями, какие она видела когда-то в Москве в период перестройки. Щиты с фотографиями политических деятелей в полный рост, и ты фотографируешься с ними. Тогда она была 18-летней девчонкой и поступала в Москве в институт.

Это было самое яркое впечатление, а потом потянулись длинные и безрадостные дороги. Нет, в жизни, конечно, все было не совсем так, в жизни и потом были яркие моменты, но во сне все утрировано, во сне видится самая суть. И суть заключалась в том, что она шагала по камням, перепрыгивала с валуна на валун и вдруг оступилась. Не испугалась, нет. Ей не грозила опасность, все было вполне обычно. Но вдруг ее рука оперлась на ЕГО руку. Она резко вскинула голову и увидела его лицо. Лицо сильного, уверенного, зрелого мужчины. Рука была сильной, на нее было удобно опираться, она была надежна. И он сказал слова! Она хорошо их слышала.

«Осторожно! Вы не ушиблись, сударыня?» – произнес мужчина.

И она проснулась – с ощущением своей руки в его теплой твердой руке. Только этого не хватало! Ей уже мерещатся ощущения мужских рук. А ведь она увидела его глаза! Как он смотрел на нее, и его взгляд проникал в самую душу, разбередил там все, звал с собой.

«Сударыня»... Как он это сказал! Не с иронией, но и не серьезно. Это прозвучало как приглашение в мир фантазии, как иллюстрация истинной интеллигентности ее героя, ее мечты...

На Северном Урале Гуров был последний раз лет двадцать назад. Да, тогда они, помнится, прилетали в Пермь, а потом местным самолетом летели на север, где-то на берегах Печоры надо было взять опасного преступника. Далеко он забрался от Москвы, но брать его поехали оперативники МУРа, потому что на карту было поставлено тогда многое, а главное, репутация ведомства – ведь они едва не упустили его. Да, было...

Сейчас Гуров вылетал из Северопечорска после проведения плановой проверки. Такова работа полковника из Главного управления уголовного розыска МВД России: оказание методической помощи, проверки, участие, а то и руководство самыми сложными и важными оперативно-розыскными мероприятиями. Разнообразна как по форме, так и по географии.

Да, Орлов выглядел не очень солидно, когда просил Гурова вылететь сюда. Тот сотрудник, у кого в плане стояла эта проверка, слег в больницу, все по уши в своих делах; Крячко должен бы выйти на службу через два дня, а Гуров только после отпуска. Свеж и бодр. Ему было очень неприятно смотреть, как Орлов начал его уговаривать, и он согласился сразу, пожалев старого друга и начальника. В конце концов, за это он и получает зарплату. И ничего заумного – рядовая проверка работы подразделения уголовного розыска местного ГУВД. Ведение оперативных дел различных категорий, правильное расходование оперативных средств, соблюдение сроков, соблюдение планов переподготовки личного состава.

Ну, вот и позади дни привычной рутинной работы. Только вот не назовешь ее никак серой, думал Гуров, глядя в окно старенького «Ан-2», то и дело нырявшего в воздушные ямы.

Как не назовешь серой природу внизу. Двадцать лет назад он прилетал сюда в начале лета, в период белых ночей. Сейчас белые ночи закончились, все чаще дни бывали холодными, хотя только начало августа. Поросшие хвойником горы зеленели, под крылом самолета тянулись бурые болота, стадо оленей метнулось в сторону, разбрызгивая копытами грязную жижу, под деревьями, кажется, медведь драл когтями кору дерева.

Медведя Гуров увидеть, конечно, не мог, это его фантазия. Самолет шел на высоте тысячи двухсот метров над горами, и только тусклое солнце отражалось в водных проплешинах на болотах. Стоп, какие тысяча двести, дошло вдруг до Гурова. Он с изумлением снова посмотрел в иллюминатор. Самолет явно снижался, машину в воздухе заметно потряхивало и бросало из стороны в сторону.

– Фронт нас с северо-запада догоняет, – пояснил бородатый мужчина, сидевший на соседнем кресле. – Из Заполярья прорвался холодный воздух, и теперь нас может унести за хребет.

– Он что, садится будет? – забеспокоился Гуров.

– Почему? – добродушно удивился мужчина. – Совсем не обязательно. Просто он спустился в самый нижний эшелон. Здесь меньше турбулентность.

– Вы, я вижу, специалист? Летчик? Или синоптик?

– Геолог, – рассмеялся мужчина. – Летать часто приходится, вот и стал сведущим. А вы? Вроде бы не местный. Из Перми или из столицы?

– Из Москвы, – кивнул Гуров, и тут самолет так тряхнуло, что сыщик чуть не прикусил язык.

Все десять пассажиров маленького самолета замолчали, прислушиваясь к звукам и тряске, но ни страха и ни паники Лев не заметил. Значит, ничего страшного, значит, все как обычно. Но теперь появилась какая-то вибрация с правой стороны. Как раз с той, где он сидел.

– Не развалился бы этот старичок! – натянуто улыбнулся Гуров соседу и кивнул на потолок.

– Да бросьте вы, – беспечно усмехнулся геолог. – Это самый надежный самолет из тех, что у нас когда-то делали. Он очень устойчивый, крепкий, может планировать, если у него откажет мотор. Знаете, как говорят летчики про «Ан-2»? Он может летать всюду, где есть небо.

И тут открылась дверь кабины пилотов, и на пороге, небрежно облокотившись плечом, замер невысокий худощавый парень в летной кожаной куртке.

– Так, без паники! – объявил пилот, широко улыбаясь. – Мы заходим на посадку в Суктыл. Ничего опасного, все под контролем. Просто погода настолько ухудшилась, что нашей «птичке» стало тяжело лететь. Подождем благоприятного прогноза и доставим вас в Пермь.

– А сколько ждать? – тут же стали наперебой спрашивать с передних сидений.

– К концу дня ветер может утихнуть. Главное, чтобы прошли тучи со снеговыми зарядами. Думаю, они пройдут севернее, но если повернут на юг, нам лучше переждать. А теперь все пристегнулись!

Гуров не боялся летать на самолетах. Уж он-то хорошо знал статистику, по которой самым опасным видом транспорта является автомобиль. В ДТП гибнет несравненно больше людей, чем в авиационных катастрофах. Настолько больше, что и сравнивать не стоит. Другое дело, что каждая авиационная авария очень шумно обсуждается во всех красках. Ну, упадет где-то самолет раз в год, погибнут двести или триста пассажиров. Но ведь это в год. А в любой стране такое количество погибает в ДТП только за неделю. Но сегодняшняя посадка очень легко показала, что своя рубашка ближе к телу, что вся статистика улетучивается из головы, как только ты сам оказываешься в аварийном самолете, совершающем посадку в условиях ухудшающейся на глазах погоды.

Пассажиры торопливо шли к зданию аэровокзала – небольшому каменному одноэтажному зданию. Гуров еще раз оглянулся на несчастный «Ан-2» с развевающимся между двумя правыми плоскостями тросом расчалки. Ремонт, может, и простой, но кто его тут будет делать?

И сколько на это уйдет времени, учитывая вот это небо? Небо было серое, низкое, а по северному горизонту наплзали друг на друга сине-черные тяжелые снеговые тучи. Что там сейчас творится, в трехстах километрах отсюда, и представить страшно. Гуров поднял воротник своей синей городской куртки, которая так выделялась среди практичной и простой одежды местных, и поспешил догонять других пассажиров.

– Здравия желаю! – Высокий подтянутый подполковник Житников вышел из-за стола и протянул Гурову руку. – Как это вас к нам занесло? Не иначе, непогодой.

Гуров с интересом взглянул на абсолютно белую шевелюру еще достаточно молодого подполковника, начальника местного районного УВД.

– Тут не только погода, – вздохнул он. – Нас, как я понял, еще и снесло в сторону от курса, а потом у самолета случились неполадки. Сели мы фактически вынужденно.

– И что авиация? Не гарантирует вылет? – Подполковник жестом пригласил его сесть у окна в мягкое кресло возле небольшого столика. – Хотите коньяку? Очень согревает.

Пока он с улыбкой разливал коньяк по рюмкам и нарезал ломтиками румяное южное яблоко, Гуров рассказал, что в аэропорту местное руководство пообещало не позднее завтрашнего дня отправить всех пассажиров другим бортом до Перми. Правда, присутствовала небольшая оговорочка – если до Суктыла не дойдет полярный холодный фронт.

После первой, собственно, и единственной рюмки Житников предложил рассмотреть другие варианты. Он вызвал каких-то Прохоренко и Завьялова, вопросительно посмотрел на Гурова и, уловив отказ, убрал бутылку коньяка в шкафчик. Пока закипала вода в электрическом чайнике, в кабинет шумно ввалились трое офицеров: грузный майор с веселым добродушным лицом, суровый капитан и молодой лейтенант с румяными юношескими щеками, которые красноречиво говорили о том, что эти погоны он надел, самое раннее, в этом году.

Майор Прохоренко жизнерадостно пожал столичному полковнику руку и заверил, что, доехав междугородным автобусом до Сосногорска, а это каких-то триста километров на запад, Гуров вполне успеет пересесть на поезд до Сыктывкара. А уж из Сыктывкара есть прямой рейс до Москвы.

Согревшись от коньяка, Лев благодушно стал благодарить за прием и просить содействия в приобретении билета на автобус, если вдруг все дело упрется в «бронь» при отсутствии в кассе билетов, а заодно и запросить по телефону линейный отдел полиции в Сосногорске...

И тут капитан Завьялов с каменным выражением лица объявил, что товарищ полковник крепко застрял. Дорога до Сосногорска уже в прошлом году была в таком состоянии, что автобусы по ней ходили с огромным трудом и опозданием. Сегодня автобус из Сосногорска так и не пришел, потому что он, капитан Завьялов, ждал своего сотрудника именно этим автобусом и собственноручно наводил справку. Если автобус все же придет и попытается двинуться в обратный путь до Сосногорска, то неизвестно, когда товарищ полковник доберется до железнодорожного вокзала, если вообще доберется... По крайней мере, сегодня всех пассажиров вернули в Сосногорск.

– И что? – нахмурился Гуров. – Из ваших мест выбраться нереально, несмотря на то, что на улице давно уже двадцать первый век?

– Если вы настаиваете, товарищ полковник, – заговорил Житников, и по его лицу было понятно, что его самого это предложение не радует, – если настаиваете, то я могу отправить вас в Сосногорск на служебной машине. Надеюсь, при следующей проверке меня не взгреют за такой перерасход лимита бензина. Заболчите словечко? Все-таки триста с небольшим километров, а на такой дороге расход будет процентов на тридцать больше.

Пока подполковник выдавал эту пространную тираду, Гуров услышал краем уха, как майор Прохоренко громко шептал лейтенанту:

– Это он зря, конечно... все-таки полковник из МВД, из центрального аппарата... потом проблем не оберешься... чего тут о бензине беспокоиться...

– Ладно, товарищи, – решительно хлопнул себя ладонью по колену Лев и поднялся с кресла. – Не надо наживать из-за меня проблем. Я просто хотел узнать побольше о возможностях выбраться отсюда поскорее. Нет, значит, буду ждать самолета с другими пассажирами.

– У нас тут есть своя ведомственная гостиница, – не очень уверенно начал Житников.

– Товарищ подполковник, – вдруг обнаружил высокий юношеский голос лейтенант, – а если мы товарища полковника отправим через мое Белореченское?

– В смысле? – не понял Житников, а Гуров с интересом посмотрел на парня.

– В смысле, если я возьму товарища полковника с собой. Сегодня приходит дрезина с почтой и продуктами для магазина. А вечером она идет назад. Оттуда час лета до Перми, а там уже и цивилизация. Товарищ полковник еще сегодня успеет вылететь в Москву.

Идея Гурову понравилась, хотя не все нюансы были понятны. Но главное, что манило согласиться, – ключевые слова: «еще сегодня», «вылететь в Москву».

– Что за дрезина и куда она поедет? – спросил он.

– Понимаете, товарищ полковник, к нам в Белореченское ведет одна автомобильная дорога, но она настолько разбитая, что снабжение наладилось как-то само собой через соседний райцентр. С почтой понятно, она в своем ведомстве, все внутри решилось, и почту к нам через соседний райцентр отправляют, а вот бизнес был налажен изначально с соседним районом. Туда хоть и дальше, почти сто восемьдесят километров, но по железной дороге быстрее получается. Вот поэтому и магазин был от соседей, и снабжение тоже.

– А электрички нет?

– Так ветка же концевая, – улыбнулся лейтенант, – она строилась только для обеспечения горнодобытчиков. А по пути к нам с той стороны нет никаких поселков. Хорошо еще мотодрезина курсирует. Это типа маленького маневрового тепловозика, только оснащенного карбюраторным двигателем, с площадкой и большой кабиной. На таких обычно ремонтные бригады возят.

– Что-то у тебя сегодня сумка маловата, – пробасил железнодорожник с обвислыми прокурными усами.

– Так писать у вас стало некому, Василич, – с мягкой улыбкой ответила женщина-почтальон, сидевшая у окна в кабине дрезины. – Совсем поселок обезлюдел.

– А это тебе кто? – кивнул железнодорожник на мужчину, курившего на открытой площадке вместе с помощником машиниста.

– Племянник мой, Пашка. Ты забыл его, что ли?

– Пашка? Бочкин? Изменился на городских харчах, – засмеялся в седые усы машинист. – Вроде раньше худощавым парнем был. Шустрым таким, бойким. А сейчас и не узнать. Солидный. Городской.

Дрезина, которая до этого шла с ровным гулом, постукивая только на стыках рельс, вдруг задержалась. Мотор стал работать с какими-то перебоями. Машинист тихо выругался и отвернулся от почтальонши. В кабину тут же вбежал помощник машиниста Леша Штыков. Молодой, с оттопыренными ушами и вечной улыбкой на лице.

– Че такое, дядь Саш? Опять карбюратор?

– Какой там карбюратор, свечи забрызгало опять! Доездили мы этот движок до ручки! Не тянет совсем...

– До поселка-то хоть доедем, – забеспокоилась почтальонша, – а, Александр Васильевич? Осталось-то совсем немного.

– До поселка дотянем, – угрюмо ответил машинист. – А вот как ты, Ольга Ивановна, назад добираться будешь, ума не приложу.

– А что, совсем плохо дело?

– Не знаю, не знаю, – покачал он головой и кивнул на улыбающегося Лешку: – Вон, мастер у нас с золотыми руками. Руки-то золотые, да растут не из того места.

Поселок появился, как всегда, неожиданно. Последний поворот железнодорожного полотна, и впереди по ходу поезда возникла, как маяк на берегу, покосившаяся прожекторная мачта. Последняя из десятка, которая избежала несчастной участи, остальные рухнули в период безвременья и бесхозяйственности, были порезаны и сданы во Вторчермет.

Мотодрезина, тарахтя на малых оборотах и чадя черным дымом, подползла к деревянным старым воротам бывшего железнодорожного депо, некогда принадлежавшего карьерному хозяйству. Машинист коротко посигналил, потом дал знак Лешке, и тот, ловко соскочив на землю, побежал к воротам.

Ольга Ивановна с помощью молчаливого племянника спустилась на насыпь, помогла ему надеть на плечо свою тяжелую сумку, и оба двинулись по краю насыпи к крайним домикам поселка. Встречавшиеся изредка на пути женщины и старики здоровались, с интересом оглядывали племянника, расспрашивали о новостях. Кто-то спешил к дому за очками. Ольга Ивановна привозила в поселок еще и пенсии.

– Аня, – остановилась она у большого дома в центре пыльной улицы, – как поживаешь, подруга?

– Ой, Оля! – Женщина всплеснула руками и двинулась к калитке, вытирая на ходу руки о передник. – Что-то ты припозднилась сегодня. Здравствуй, Паша! Никак погостить приехал?

– Ань, ты нас на постой непустишь? Что-то у Рыбникова дрезина совсем ехать не хочет. Говорит, раньше завтрашнего полудня он не сможет выехать, мотор перебирать будут.

– А чего же не найти, чай, подруги со школы еще. Найдем угол, – засмеялась женщина. – Ты, Паша, тоже у меня остановишься или как?

– Да, наверное, – пожал плечами Павел.

Никто не обратил внимания, что он приглядывается к мужчине в камуфляжной куртке с зачехленным охотничьим ружьем на плече. Мужчина стоял возле местного магазинчика и неторопливо курил. Потом бросил окурок и двинулся вдоль улицы в сторону заброшенных карьеров.

«Уазик» подпрыгивал, иногда скакал на спусках боком, норовя уйти с дороги к деревьям. Гуров вздыхал и морщился, понимая, что лейтенант Чебриков, как он представился московскому полковнику, водить «уазики» не умеет. На ровных участках он вполне сносно справлялся с управлением, но на неровных спусках машина в его руках делалась неуправляемой. Однако требовать отдать руль Гуров не стал, ограничившись лишь устными замечаниями и рекомендациями.

Дорога вилась между скалистых участков, потом уходила под своды хвойного леса. Часто машина выезжала на открытые участки, и перед взором представала вся красота гор. Асфальт под колесами «уазика» появлялся довольно редко, точнее, остатки асфальта. Чаще это было укатанное крошево местного обломочного материала. Видимо, поселок и правда был забыт властями, раз здесь даже за дорогой не следили. Но участковый продолжал убеждать Гурова, что тот выгадывает почти двое суток, пытаясь попасть в Пермь этим путем. И непогода, которая непредсказуема в этих близких к Заполярью местах, может отсрочить вылет пассажиров «Ан-2» на неопределенное время.

– Я там работаю всего месяц, – рассказывал лейтенант. – Поселочек так себе. Раньше он больше был: лесхоз, заготовка пушнины, зверосовхоз. Потом, году в 1984-м, там открыли залежи кварца, и не просто кварца, а какого-то «оптического», молочно-белого жильного. Говорят, на «оборонку» работал карьер. Добывали открытым способом, и в поселке было оживление. Почти все мужики работали в карьере, даже дома строились для вновь приезжаю-

щих. Начинали строить горно-обогатительный комбинат, трансформаторную подстанцию. Геологи табунами ходили, гидрологи. Речушку Белую, вы ее еще увидите, когда мы переезжать будем, предлагали чуть ниже поселка перекрыть, взрывами обвалить ущелье и создать водохранилище с электростанцией для обслуживания и завода, и карьера, и всего района.

– А потом что? – спросил Гуров без всякого интереса. Таких историй он за время командировок наслушался очень много.

– А потом карьер постепенно начал снижать добычу. То ли у них жила заканчивалась, то ли накладно стало возить отсюда. А может, бизнесмен, который приватизировал карьер, разорился. Ну, в общем, тут население раньше было около пяти тысяч человек, а сейчас не больше трехсот семей.

– И чем же они живут? – удивился Лев.

– Ну, в основном это пенсионеры, которым ехать некуда. Хотя некоторые мужики работают в лесхозе, но те почти все лето в тайге. Человек двадцать в железнодорожном депо работают. Это остатки прошлого депо, которое карьер обслуживало и строительство. Теперь туда по договорам из соседнего района гоняют на ремонт подвижной состав. Товарные вагоны, платформы, полувагоны. Наши дорого не берут. Сварка есть, пилорама есть, кузница есть.

– И охотники, – продолжил Гуров.

– И охотники есть, промысловики, – согласился Чебриков. – Бабы травы и ягоды собирают, сдают в аптечную структуру. Школа только начальная, магазинчик универсальный: от продуктов до товаров первой необходимости. Библиотека есть и поселковая администрация в лице трех человек: главы местного самоуправления, бухгалтера и секретарши. Когда они работают, я не знаю, потому что в администрации все время закрыто, а наш глава Буняк все по поселку ходит, что-то ищет. Но чаще куда-то уезжает.

– А это что? – Гуров показал рукой вперед, где горбилось и топорщилось нечто странное и металлическое.

– Это наша беда! – с иронией заявил лейтенант. – Раньше это было мостом. Но вовремя его ремонтом никто не занялся, и в один из бурных паводков его снесло и завалило поперек русла. Остались только сваи и железная конструкция на боку возле них. Не целиком, конечно, но половина моста в реке.

– И как же вы ездите?

– Правее сделали временный деревянный. Мы сейчас к нему и сворачиваем. Но, как обычно, нет в России ничего более постоянного, чем временное.

Гуров озабоченно посмотрел через стекло водительской двери, где сквозь переплетение стальных ржавых балок упавшего моста билась и пенилась бурная река. Сыщик представил себе рухнувший мост стоящим, и ему показалось, что уровень воды в реке был вровень с уровнем настила моста. Успокаивало понимание того, что такого быть просто не могло. Так мосты не строят.

Машина снова заскакала по камням, зашелестел под колесами щебень. Да, объезд был накатанным, но автобусы тут явно не ходили. По крайней мере, после того как рухнул основной мост. Но когда перед глазами московского полковника предстал второй мост, названный участковым временным, стало ясно, что временный он в высшей степени. Опоры под углом опирались в склоны высоких берегов реки, отправляя память в далекое прошлое, ко временам рыцарских замков и подъемных мостов над бездонными пропастями. Здесь пропасть не была бездонной, здесь бушевала река, порой обдавая пеной бревенчатый настил моста.

– Слушай, а он выдержит машину? – забеспокоился Гуров, но замолчал, глядя, как участокный смело въезжает на деревянное строение.

Колеса вибрировали на тонких бревнах, настеленных и обвязанных тонким стальным тросом. Ниже были только четыре продольных бревна на опорах, переброшенных через бурный поток. Гуров посчитал, что одного ряда настила было маловато. Провалились хоть одно

сгнившее бревно, и колесо машины намертво встанет между двумя соседними. Что-то строители перемудрили и упростили.

И тут мост задрожал под днищем автомашины, заставив его невольно вцепиться в ручку на передней панели машины. Это была даже не дрожь, а покачивание моста. Сыщик не успел спросить участкового, часто ли при проезде через этот хлипкого вида мост ощущаются такие эффекты, достаточно было бросить взгляд на лицо молодого лейтенанта, чтобы понять, что происходит нечто из ряда вон выходящее. Чебриков машинально нажал на газ, заднюю часть «уазика» подбросило и занесло вправо. Мост заметно покачнулся и стал крениться по течению реки. Гуров замер, вцепившись правой рукой в дверную ручку. Он был готов распахнуть дверь при первом же намеке на падение моста.

Но машина взревела двигателем и одним рывком преодолела последние метры бревенчатого настила. Чебриков, отчаянно крутя рулевым колесом, выровнял машину и нажал на тормоз. Гуров выскочил из остановившейся на берегу машины и с откровенным ужасом смотрел, как медленно заваливается в бушующую воду бревенчатая конструкция, постепенно распадаясь на части. Сначала вода посрывала настил моста, спутанный стальным тросом, потом с натугой развернула четыре толстых бревна вдоль русла, и весь этот деревянный хлам с грохотом поволокло по узкому каменистому руслу.

– Вот это ни хрена себе! – раздался над его ухом голос участкового.

– Очень точно сформулировано, – проворчал сыщик. – И что это сейчас тут было, если не секрет?

– Наверное, в верховьях ливневые дожди прошли из-за поступления холодного воздуха. – Сняв форменную кепку, лейтенант вытер потный лоб рукавом куртки. – Вот уровень и поднялся... И напор как следствие!

– Володя, – тихим, почти равнодушным голосом заговорил Гуров, хотя внутри у него все кипело от мысли, что он сам себя чуть не угробил, поддавшись уговорам молодого и, видимо, не очень опытного участкового. – Володя, ты не знал, что мост слабоват для этой реки и для легковых автомашин?

– Ну-у, – замаялся участковый, – я, конечно, говорил в районе, рапорта писал.

– Так звони! Доставай «мобилу» и звони, что тут такая беда случилась! Своему начальству, в МЧС звони!

– Видите ли, товарищ полковник, – виновато захлопал глазами участковый. – Тут мобильная связь не берет.

– Как? – опешил Лев. – В смысле, вот на этом месте не берет? А в поселке?

– Да нигде не берет, – уныло ответил лейтенант. – Тут аномалия какая-то.

– Ясно, – кивнул Гуров, поворачиваясь к машине. – Поехали, надо срочно звонить. Надо восстанавливать мост, принимать меры к восстановлению сообщения с поселком. Триста семей – это не шутка, это люди, Володя! А если «Скорая помощь» кому-то понадобится, а если роды?

Поселок встретил Гурова безлюдьем. Где-то тарахтел дизельный генератор, где-то лаяли вездесущие собаки. Дома располагались в относительном порядке только с этой стороны поселка. Но чем дальше, тем беспорядочнее становилась его планировка. Лишь покосившаяся прожекторная мачта возвышалась над этой картиной запустения и забвения.

– Вот железнодорожное депо, – сворачивая к огромному ржавому железному ангару с массивными деревянными воротами, сказал Чебриков. – Только я что-то дрезины не вижу. Внутри, что ли, загнали?

Гуров с самыми мрачными предчувствиями прыгнул на укатанный щебень возле железнодорожного полотна и пошел следом за участковым к воротам. В приоткрытую створку он сразу увидел темнеющую платформу на колесах и кабину с характерной рукой маленького крана над ней. Где-то наверху гремели железом и энергично что-то обсуждали мужские голоса.

– Александр Васильевич! – громко крикнул участковый.

Над бортом показалась всклокоченная голова на мощной шее, и маленькие неприветливые глаза глянули на гостей.

– Чего? – коротко осведомилась голова.

– Ты чего, Плетнев, не выспался? – недовольно проворчал Чебриков. – Рыбников здесь?

Голова исчезла, а следом за ней над бортом поднялась коренастая фигура пожилого мужчины в грязной замасленной рабочей спецовке. Седые прокуренные усы делали его лицо добродушным, хотя в глазах сквозило недовольство и даже раздражение.

– А-а, участковый? – произнес мужчина. – Надо чего или так просто зашел? Проверить, как дела на твоей территории.

– Я по делу. – Лейтенант явно старался держаться солидно в глазах московского полковника. – Что у вас с аппаратом?

– С этим? – Рыбников кивнул вниз, на спины копошившихся помощников, которые виднелись над бортом. – А никак! Забудь, что он был когда-то.

– В смысле? – нахмурился участковый.

– В смысле, что поршневая накрылась. А здесь починить нам двигатель не удастся. На приколе наша лайба. Надолго!

Гуров повернулся и молча вышел на улицу, запахивая на ходу куртку. Он проклинал себя последними словами за свое нетерпение, за глупую торопливость. Видите ли, ему хотелось поскорее вернуться в Москву. А торопливость, как известно, хороша при ловле блох и... при диарее, будь она неладна.

Лейтенант вышел следом и молча остановился за спиной сыщика. Он несколько раз звучно вздохнул, потом наконец заговорил виноватым тоном:

– Непредвиденные обстоятельства, товарищ полковник. Такое предвидеть было невозможно. Все старое, все постоянно выходит из строя. Это как стихия, на которую обижаться нельзя, потому что она...

– Хватит причитать! – оборвал участкового Гуров. – Если уж кого мне и винить, так только себя. Попал в самую настоящую западню. Поехали к ближайшему телефону, будем решать с Большой землей, как мне отсюда выбираться.

– Надо еще почтальона отсюда отправить, – тихо добавил участковый. – Она с дрезиной приехала, и ей надо назад сегодня.

– Тем более, – забираясь в кабину, ответил Гуров. – А что, никакой дороги совсем нет до соседнего райцентра? Может, вдоль железнодорожной насыпи?

– Да болота там. Пару километров, может, и проедем, а потом даже на «уазике» сядем. Там только на гусеничном вездеходе можно проехать, а у нас такого нет.

Машина остановилась возле бревенчатого добротного дома на высоком каменном фундаменте. Большая красная вывеска извещала, что здесь располагается участковый пункт поселка Белореченское. Высокий дощатый забор уходил вправо и влево, отгораживая нечто вроде огорода с задней части дома, хотя там, насколько Гуров мог видеть, ничего не росло.

– Вот мой офис, – грустно улыбнулся участковый, вылезая из машины. – А с другой стороны вход во вторую половину дома. Там моя квартира. Служебная.

Гуров сошел с остатков асфальта, некогда покрывавших центральную улицу, и двинулся следом за Чебриковым к крыльцу с небольшим навесом над ним. В доме было холодно и неуютно. Чувствовалось, что это нежилое помещение. Большая комната с вполне современным офисным столом, компьютер, телефонный аппарат на нем и выкрашенный в синий цвет сейф с правой стороны на расстоянии вытянутой руки. Ну и несколько разномастных стульев вдоль стены заканчивали скудный интерьер.

– А вот это мой личный изолятор временного содержания, – проходя мимо большой решетки, похлопал рукой по прутьям Чебриков. – Между прочим, с канализацией, у меня тут два года назад вполне современный септик устроили. Так что живу цивилизованно.

Обогнув свой рабочий стол и сдвинув в сторону несколько журналов, лейтенант снял с головы форменную кепку, бросил ее рядом. Гуров, засунув руки в карманы, терпеливо наблюдал за манипуляциями молодого лейтенанта. Наконец Чебриков поднял трубку телефонного аппарата, приложил ее к уху. Его рука нависла над рядом кнопок и... замерла. Он подул в трубку, постучал по кнопкам аппарата, потом зачем-то поднял его, перевернул. И, нагнувшись с озабоченным лицом, проверил подключение провода к телефонной розетке.

– Да, Володя, – меланхолично кивнул головой Лев и уселся напротив лейтенанта, забросив ногу на ногу, – с канализацией у тебя тут все нормально.

– Не работает, – растерянно ответил лейтенант.

– Ты не представляешь, в какую западню ты меня заманил, – вздохнул Гуров. – Если бы я был миллиардером, известным политиком, я бы еще понял, но...

– Наверное, провод оборвался, – снова невпопад ответил участковый. – Надо на улице посмотреть.

– Пойдем, – согласился сыщик. – Я подозреваю, что у вас тут все не работает, даже то, что в принципе и сломаться не может. Люди-то хоть в поселке есть, а то, может, нет никого, вымерли все, пока ты отсутствовал?

– Шутите, – вставая и надевая головной убор, улыбнулся участковый.

– Я не столько шучу, сколько пытаюсь понять, где я тут буду жить, – проворчал Гуров.

– Шутите, – снова констатировал участковый. – Сейчас найдем работающий телефон. А если что, так у нас на узле связи есть штатный техник. Может, у него временные неполадки. Вы знаете, товарищ полковник, за время моей работы в этом поселке еще не было случая, чтобы связь не работала.

Глава 2

Несмотря на уверенные интонации, участковый двинулся вдоль улицы к зданию администрации слишком торопливым шагом, чтобы это ускользнуло от внимания сыщика. Разволновался лейтенант! Неудобно перед московским полковником? Или правда волнуется, что поселок мог оказаться совсем отрезанным от внешнего мира? Не Северный же полюс, в конце концов! Чебриков тоже, видимо, понял, что щеголять статистикой поломок при его стаже работы в этом поселке глупо, и замолчал.

Второй дом от участкового пункта оказался кирпичным. Впереди еще несколько домов выделялись добротностью постройки, а потом к лесу снова шли деревянные срубы. Гуров с интересом посмотрел на табличку справа от двери: «Белореченская поселковая библиотека». Не успел он подумать о том, что когда-то поселок действительно жил бурной современной жизнью, раз библиотека занимала весь этот большой дом, как дверь неожиданно распахнулась и на пороге появилась женщина в кожаной куртке, из-под которой виднелось шерстяное платье, и в резиновых сапогах. Она выглядела немного рассеянной и даже вдруг споткнулась на третьей ступеньке, зацепившись носком сапога. Сыщик мгновенно сделал шаг назад, поймал женщину за талию, не дав ей упасть, и наконец разглядел ее лицо, еще не особенно тронутое морщинами, – вполне ухоженная кожа, чуть припухлая нижняя губка, вздернутый кончик носа и большие, просто огромные карие глаза. Они смотрели на Гурова очень странно, с каким-то ожиданием или даже страхом. И эти глаза подтолкнули Гурова обронить немного неуместную для этих мест фразу:

– Осторожно! Вы не ушиблись, сударыня?

– Н-нет, спасибо вам, – пробормотала женщина мелодичным высоким голоском. – У вас такие сильные руки...

– Они привыкли ловить и спасать в трудную минуту, – ответил Лев и вдруг понял, что он флиртует с абсолютно незнакомой женщиной. Причем флиртует не для дела, не для того, чтобы расположить к себе возможного свидетеля или склонить на свою сторону, а просто потому, что она привлекательная молодая женщина и он только что держал ее за талию, и ему было, черт возьми, приятно.

– Вы всегда приходите на помощь женщинам? – с улыбкой спросила она, освобождаясь из рук незнакомца.

– Стараюсь по мере сил приходиться на помощь всем, кому могу помочь... А вы работаете в библиотеке?

– Вероника Андреевна заведует у нас библиотекой, – пояснил подошедший участковый. – Здравствуйте, Вероника Андреевна.

– Здравствуйте, Владимир Михайлович, – церемонно ответила женщина.

– Меня зовут Лев Иванович, – решил представиться Гуров. – Я вот оказался попутчиком вашего участкового, рассчитывал уехать с вашей дрезиной, но она сломалась. Теперь ищем телефон, у участкового он тоже сломался. Такой выдался день поломок и неудач с падениями. А у вас в библиотеке есть телефон? Нам нужно срочно позвонить...

– У меня он третий день не работает.

Гуров вопросительно посмотрел на участкового, участковый – на Веронику Андреевну.

– Я и вчера, и сегодня пыталась найти нашего техника, но его нет на узле связи. Я записку там оставила.

– Сергей Сергеевич у нас страдает запоями, – смущенно признался Чебриков. – Боюсь, что и временные неисправности – результат очередного запоя. Придется его искать.

Гуров посмотрел вверх, где на столбах виднелся телефонный провод. Провод был цел. Он шел из центра поселка к библиотеке, к участковому пункту и еще куда-то в другую часть поселка.

– Где у вас телефонная станция располагается? – спросил Гуров у участкового.

– В том же доме, что и местная администрация, – кивнул в сторону небольшой площади в центре поселка Чебриков. – Вон в том кирпичном доме. Там и помещение администрации, и комната, где установлена телефонная станция.

– Пошли, – махнул рукой Гуров и, повернувшись к Веронике Андреевне, галантно наклонил голову. – Всего доброго, рад был познакомиться с вами.

Они шли по улице мимо унылых домов, из окон которых не слышно было музыки, детских голосов, смеха. Да и сами окна были пыльными, давно не мытыми. Неухоженные заросшие палисадники, два остова сгнивших легковушек старого советского автопрома. У одного из домов сидели на лавочке три старушки в больших черно-красных платках и обрезанных валенках на ногах. Старушки проигнорировали вежливое приветствие Чебрикова, продолжая подслеповато тарачиться на участкового и его спутника.

Лейтенант открыл дверь и сунул голову в дверной проем. Гуров услышал лишь голоса:

– Надюха, здорово! Буняк где?

– Олег Владимирович уехал в район, – сдержанно ответил молодой женский голос.

– Давно уехал?

– Уж третий день как.

– Ну, понятно. У тебя телефон работает?

– Нет, не работает.

– А где Калинин?

– Я не знаю. Я заходила, но у него там все закрыто. Дома его тоже нет, мне баба Валя так сказала.

– Какая баба Валя? – демонстрируя безграничное терпение, спросил участковый.

– Соседка Калинина. Говорит, что он опять пьяный был.

Гуров не стал слушать дальше разговор участкового с женщиной, наверное, секретаршей главы местного поселкового самоуправления. Он прошел дальше вдоль дома, подергал ставню из листовой стали, запертую, по всей видимости, изнутри, потом подошел к двери с табличкой «Телефонная станция». На двери красовался амбарный замок величиной с хороший мужской кулак. Рядом с дверью висел на стене почтовый ящик с надписью «Для заявок».

– Смотри, Володя, – показал Гуров подошедшему участковому четыре извлеченных из ящика записки. – Сегодня у нас восьмое августа. Вот записка от заведующей библиотекой. Аккуратная женщина, даже подписалась и дату поставила... шестое августа. Это от железнодорожников, без даты. Это от... Воронина? Кто такая?

– Надюха, я с ней только разговаривал. Секретарша главы.

– Это, – покрутил в руках Лев следующий листок, – «О. Полупанова», и тоже без даты.

– Это от нашего магазинчика, от Оксанки.

– Ну, дата одна – шестое августа. Значит, минимум с шестого ваш техник пьет без просыпу? Где его искать и как протрезвить? Связь нужна нам, товарищ лейтенант, связь с внешним миром!

– Он к железнодорожникам мог пойти, хотя, если они записку сюда принесли, значит, они его не видели, – задумчиво ответил участковый.

– Если бы я что-то понимал в этой аппаратуре, я бы ни минуты не ждал, а высадил бы эту дверь и сам разобрался в неполадках, – возмущенно проговорил Гуров.

– Ну, что я тут могу сказать, – уныло развел руками участковый. – Буду искать техника. Обойду дворы, расспрошу.

– Это успеется, лучше скажи, что, вообще никакой дороги отсюда больше нет? Вообще никак не проехать?

– Назад мы через реку никак не переберемся. Пока вода не спадет, туда и соваться опасно. Сами видели, что творится, какой напор...

– А по шпалам?

– Сто восемьдесят километров.

– Про болота я понял, а через горы? Никаких троп нет, может, «уазик»-то вскарабкается?

– Вряд ли. Куда-то доехать, конечно, можно. И охотники ездили, когда тут жизнь активнее была. Но я думаю, что километров пять, десять, а дальше... Скалы, тайга!

Гуров снова задумчиво стал смотреть вверх на столбы, где чернели расходящиеся по поселку телефонные провода. Один кабель, потолще, уходил в сторону железной дороги, а потом по столбам линии электропередачи в сторону болот.

– Вернись за машиной, – велел Гуров Чебрикову, – и догоняй меня, а я пошел вон туда.

Участковый догнал сыщика через три минуты. Гуров сел на переднее сиденье и, не отрывая взгляда от телефонного кабеля, махнул лейтенанту, чтобы тот ехал вдоль столбов. Придерживаясь не столько накатанной, сколько натопанной дорожки, Чебриков доехал до края поселка, потом немного по пустырю до зарослей осоки. Дальше дороги не было, и только небольшие кочки виднелись между участками, заросшими камышом, и уходили вдаль безрадостной картиной сгнивших остовов деревьев и тухлой воды.

– У тебя бинокль есть? – спросил Гуров.

Участковый с улыбкой завел руку за спинку своего сиденья и извлек оттуда армейский бинокль в твердом зеленом чехле. Лев молча взял его и вылез из машины. Отойдя на несколько шагов в сторону, он взобрался на небольшой пригорок и приложил бинокль к глазам. Чебриков с унылым видом посидел в машине, потом тоже выбрался и нехотя подошел к московскому полковнику. Ну, что там можно разглядеть, думал он. Ведь сказал уже, что не проехать на машине, там только на вездеходе, на гусеничном...

– Посмотри-ка вон туда, на тот столб, возле которого два сгнивших дерева торчат латинской буквой V, – протянул Лев бинокль участковому.

– Ну? – Чебриков не понял, что от него требуется, и разглядывал столб, потом эти два дерева, а заодно и кусты, и кочки вокруг. – А что там?

– Ты на столб смотри, Володя, на самый верх, где провода идут. По самому верху электрические, а ниже черный телефонный кабель, вдоль которого мы с тобой вот до этого места ехали.

– Подождите... – понял наконец Чебриков, – так нет его вроде...

– Нет, это точно. – Гуров засунул руки в карманы, задумчиво посмотрел на затянутое тучами хмурое безрадостное небо и поежился. – Столбы есть, линия электропередачи есть, а телефонного кабеля нет. И нет его между четырьмя столбами. Знаешь, какое между столбами расстояние в метрах? А я знаю. Шесть! Три пролета кабеля снято, всего восемнадцать метров. Столбы бетонные, значит, нужны не обычные «кошки» для деревянных столбов, а специальные, в которых забираются электрики на бетонные столбы. Вот такая история. У вас третий день как кто-то украл большой кусок телефонного кабеля.

– Блин, вот почему связи нет, – пробормотал участковый без энтузиазма. – Алкаши проклятые. Им лишь бы пропить, а что поселок в такое сложное время без связи остался, на это им наплевать.

– Ты, помнится, шутил, что возьмешь меня на постой, а, Володя? – похлопал Гуров участкового по плечу. – Пришло время исполнения взятых на себя обязательств. Поехали-ка отсюда, незачем здесь торчать. Кстати, и поесть бы не мешало. У тебя как с продуктами? Или в ваш магазин наведемся?

– Да есть у меня там в холодильнике, – пожал лейтенант плечами. – Разве что захватить водки взять или коньяку. Если вам надо, конечно.

– Раз полковник из Москвы, – залезая на переднее сиденье, нравоучительно произнес Гуров, – значит, обязательно пьет водку или коньяк в командировке за счет подчиненных или принимающей стороны? Обойдемся мы без этого зелья, дружок!

Квартирка у участкового оказалась небольшой, но очень даже приличной. Самая настоящая кухня. И комната, в которой кроме кровати стоял еще совсем не продавленный диван. Молча поужинали сваренными Чебриковым пельменями. Лейтенант весь вечер косился на полковника, который о чем-то сосредоточенно думал. И только уже когда улеглись спать и потушили свет, Гуров подал голос с дивана, ворочаясь под непривычно тяжелым ватным одеялом:

– Володя, а кто до тебя тут участковым работал?

– До меня? Капитан Воронин, – ответил Чебриков и, помолчав некоторое время, добавил: – Он утонул тут по пьянке в карьере.

– Что за карьер? В котором кварц добывали?

– Да. Я особенно-то не расспрашивал, но место это видел. Там, собственно, несколько карьеров, некоторые соединяются. Сейчас во многих вода собралась: дожди, талые воды, грунтовые. Местами очень глубоко. Следствие было, признали, что он сам по пьянке в воду свалился.

– А ты как считаешь?

– Я же говорю, что не вникал особенно. Если честно, вы, может, мальчишеством посчитаете, товарищ полковник, но какое-то суеверное чувство присутствовало. Не то чтобы специально, но от местных я слышал, что пил Воронин сильно.

– А жил он, значит, здесь же? Где сейчас ты?

– Ну... да...

– Понятно, – тихо хмыкнул Гуров. – Покойники с синими рожами в окна по ночам не заглядывали?

– Не заглядывали, – огрызнулся лейтенант, и это Гурову понравилось. Наконец-то характер пробивается.

– Знаешь, Володя, – менторским тоном заговорил он, – ты сюда пришел полноправным представителем государственной власти. Все эти самоуправления, все это ерунда. Ты – это государство. И ты должен чувствовать и вести себя тут соответственно. Надо не слухам верить, а перепроверять и устанавливать точно – сам утонул участковый или мешал он кому. Следствие могли тоже, знаешь, провести «для галочки»! Ты должен быть уверен, что на твоем участке абсолютно «чисто».

– Хорошо, я займусь этим, – пробормотал лейтенант.

– Этим ты займешься чуть позже, когда я уеду. А завтра ты займешься другими, насущными проблемами – расследованием кражи телефонного кабеля. А для этого тебе нужно обязательно найти вашего техника-связиста. Затем тебе надо обязательно и очень аккуратно переговорить с вашими местными электриками. «Когти» – дело серьезное.

– А Калинин и есть наш электрик, – вздохнул Чебриков.

– Любопытно. – Гуров даже приподнялся на постели. – Связист – и он же электрик, и украден кабель из его хозяйства, причем с применением методов и снаряжения, которое есть здесь, по идее, только у него. Если, конечно, никто не украл эти «когти» как-то в прошлом году. Так получается?

– Думаете, что он украл кабель и пропил?

– Эх, Володя, а кому он мог пропить здесь? Если только с дрезиной переправил в рай-центр и железнодорожники там сдали кабель во вторсырье? Ищи, Володя, ищи! Себе кабель, мне связиста. Тебе преступление надо раскрывать, а мне выбираться отсюда.

– Хорошо... – отозвался Чебриков. – В смысле, слушаюсь.

Гуров замолчал, глядя в темный потолок. Звезд на небе за окном не было, уличных фонарей, если не изменяет память, Гуров видел штук шесть в центре да у железнодорожного депо четыре. Черная ночь. И ветер воет где-то в крыше. В трубу, что ли, задувает?..

– Доброе утро, товарищ полковник! Яичницу с колбасой будете? – Чебриков в теплых спортивных штанах с начесом и футболке стоял посреди комнаты и вытирал лицо и шею полотенцем. – Вставайте, пока все горячее.

– Доброе утро. – Гуров потянулся, чувствуя, что все тело сковало от неудобного дивана. – Слушай, давай ты меня будешь звать Лев Иванович, а не товарищ полковник.

– Как скажете, – пожал Чебриков крепкими плечами.

– Во-первых, – Гуров откинул одеяло и спустил ноги на коврик, тут же поджав пальцы на ледяном полу, – я у тебя не по службе, да и по службе я не очень люблю такую официальщину. А во-вторых, лучше никому в поселке не знать, что я тоже из полиции, тем более полковник из Москвы.

– Почему? – удивился участковый.

– Да так, – покрутил Лев в воздухе пальцами.

Он не стал рассказывать молодому лейтенанту, которого еще вчера перед сном стыдил за суеверие и насмешливо спросил, не мерещились ли ему заглядывающие в окна по ночам привидения, что сквозь сон видел в окне очертания человеческой головы. Как будто подошел кто-то, приложил руки к стеклу, пытаясь разглядеть, что происходит в комнате участкового, а потом тихо ушел. Хотя насчет «тихо» Гуров был не уверен. На улице был сильный ветер, там и хруст гравия под ногами неизвестного заглушило бы. Только вот был ли на самом деле этот неизвестный?

Гуров оделся, нацепил на ноги предложенные Чебриковым обрезанные по самые щиколотки старые валенки и отправился умываться. К его большому удивлению, у участкового имелся водонагреватель, и умываться можно было теплой водой. Пока он умывался, ему снова и снова вспоминалось ночное видение. В цепи событий, настоящих и прошлых, оно было закономерным. Если есть злоумышленники, если есть преступление, значит, и возвращение в поселок участкового уполномоченного с неизвестным мужчиной не должно остаться без внимания. Но вчера за ними никто не следил. И вряд ли есть в поселке человек, который имеет такие серьезные навыки ведения наружного наблюдения, чтобы Гуров с его опытом этого наблюдения не заметил бы. Зачем тогда заглядывать в окно? Ответ прост: не столько увидеть, сколько для того, чтобы послушать. Мужики же! Должны были выпить вечером перед сном после трудного дня. И неизвестный хотел убедиться, что все нормально, что мужики приехали и в первый же вечер выпили перед сном. А они, кстати, не пили.

– Володя, – позвал Гуров, – а тебя в поселке как считают – любителем выпить, трезвенником или чем-то посередине?

– Ну, не трезвенником, конечно, – раскладывая яичницу по тарелкам, ответил Чебриков, – но пить-то тут мне особенно не с кем, да и поводов, кроме Нового года и собственного дня рождения, не наскребешь.

– А предшественника, значит, считали, – тихо добавил Гуров, вытираясь чистым полотенцем, которое специально для него повесил хозяин.

За столом, энергично работая вилкой и ножом, он продолжил свой инструктаж.

– Ты мне, Володя, найди сапоги и брюки какие-нибудь не очень новые, чтобы в эти сапоги было не жалко заправлять да и на коленках елозить. Ты сегодня займешься своими делами, а

я... своими. Ты вот что, всем говори, что я из... ну, скажем, охотинспекции. Очень нейтральная должность.

– Так вас избегать начнут, – резонно заметил Чебриков.

– Не так, Володя, – поправил Гуров. – Поверив тебе на слово, у меня не будут спрашивать документы, а я смогу под этой личиной заводить пространные разговоры с кем угодно. Все будут думать, что я навожу справки про незаконную охоту и все такое прочее, и никто не догадается, что я полицейский.

Старые брюки у Чебрикова нашлись, но из сапог он мог предложить Гурову только болотные сапоги. В своей новой синей куртке и «болотниках» сыщик смотрелся немного странно, но, на его взгляд, как раз так, как нужно. Городской верх и «таежный» низ вполне соответствовали тому образу, который он себе придумал. Сапоги, правда, тяжеловаты, но можно потом купить в магазине на более сухую погоду кирзовые.

О сухой погоде, кирзовых сапогах и, главное, нормальных портянках Гуров стал думать уже через тридцать минут своего пути по болотам. Он шел вдоль столбов линии электропередачи, на которых был проложен и телефонный кабель. Ему попадались вполне сносные сухие участки, поросшие кустарником, потом они сменялись влажной почвой, где-то в траве под ногами чавкала вода, и ноги все время соскальзывали, норовя вывихнуть ступню.

Еще час пути, и взмокший сыщик стоял перед первым столбом, с которого сняли телефонный кабель. Он смотрел на перекусанный или перепиленный кабель наверху и прикидывал, за сколько времени один человек мог все это проделать. Во-первых, «кошки», как их называют дилетанты, у электриков называются «когти-лазы» или просто «лазы». Они бывают универсальные, а бывают специально сконструированные под каждое сечение столба. Здесь имеется ряд столбов с прямоугольным сечением. В поселке тоже. Значит, у местного электрика должны быть «когти» именно такого типа.

Второй момент, который Гурова очень интересовал, – а смог бы влезть на бетонный столб человек, не имеющий навыков пользования этими самыми «когтями-лазами»? Лев считал себя человеком не робкого десятка, довольно решительным, но даже он не полез бы. Значит, лазил снимать кабель человек с определенными навыками.

И последнее. Гуров прикинул толщину кабеля, его возможный вес, с учетом экранирования под изоляцией. Получалось, что срезанный 18-метровый кусок должен был весить что-то около двадцати, а то и больше килограммов. Срезать – половина дела, его еще нужно отсюда вывезти. Но следов колес или гусениц не видно, а они на такой почве остались бы обязательно. Значит, унесли на себе. Человека два-три могли смотать и унести срезанный кусок. Выходит, их было несколько.

Гуров обошел место преступления и только теперь обратил внимание на несколько сломанных кустиков. Они могли помешать в процессе сматывания. Но вот еще сломанный кустик, вон еще дальше один. И вообще, Лев понял, что шел сюда, держась правее столбов, совершенно напрасно. По другую сторону было ровнее и суше. Вот отсюда хорошо видно, что, сделав небольшой крюк метров в четыреста, можно было идти без хлюпанья воды под ногой и соскальзывания с мокрых кочек.

Точно! Вот и следы волочения. Смотанный в круг кабель просто волокли по земле. Никто и не озадачивался сокрытием следов. Грубо срезали, грубо свернули и поволокли. Причем поволок человек, который хорошо знал эти места. Знал, где ровнее и суше. Гуров бы этого маршрута не нашел, если бы не задумался о способе транспортировки украденного кабеля. И сделанное им открытие наводило на следующий вывод – кабель мог украсть один человек. Тот же самый техник Калинин.

«Ну, что же, – бредя по следам волочения, думал сыщик. – Возможно, я и найду по следу, куда, примерно, утащили кабель. Найдем мы техника-связиста, заставим покаяться и восстановить связь. Я помогу Чебрикову раскрыть преступление, мы восстановим связь, пусть

временно, сообщим о несчастье, о том, что поселок оказался без транспортной связи с Большой землей, и тогда, наверное, найдется способ и мне отсюда побыстрее выбраться».

«Нет, – остановил он вдруг сам себя, – слишком я тороплюсь отсюда удрать. А ведь кто-то же должен был купить кабель у Калинина? Значит, есть сообщники, и они на этом не остановятся, раз взялись. Надо разгребать участковому все это болото в переносном смысле. Профилактику проводить, убеждать людей, что, если теперь случится нечто подобное, они первыми попадут под подозрение».

Гуров остановился и уселся передохнуть на большой камень. Ноги в резиновых сапогах с непривычки, да еще без портянок, устали неимоверно. В магазин надо, в магазин за удобной обувью. А Калинин в какой обуви был? Стоп! Гуров представил себе невысокого, как его описывал Чебриков, запойного техника. И этот человек волок тяжелый кабель? С его одышкой, вялостью, трясущимися ногами и руками? Хотя он мог отдыхать через каждые...

Только так не воруют! Воруют обычно обдуманно и быстро. Даже если никому нет дела, все равно есть опасность, что тебя кто-то выдаст. Увидит и сообщит участковому. На что расчет? Или без расчета, потому что пропил все мозги? Бывает и такое, решил Гуров, вставая на ноги, но уверенности у него немного поубавилось.

Вот и каменистая поверхность. Здесь следов волочения не найти. Сдвинутые с места слезавшиеся камушки омыло дождем и... Хотя нет. Вот здесь снова видно, как волокли свернутый кабель. Хорошо он сгребал камушки за собой. Так, преступник двинулся в обход поселка. Железнодорожное депо осталось справа. Куда же он его тащил? В камнях спрятать, в кустах?

Гуров стоял на краю большого карьера, тянувшегося примерно с севера на юг метров на пятьсот. И сверху ему было хорошо видно, что это не один карьер, а целая цепь карьеров, то расширяющихся, то сужающихся. В большей их части на дне блестела вода. Наверное, здесь кабель и решили спрятать, обрадовался немного ошарашенный сыщик. В этих карьерах что угодно можно спрятать. А может, тут какие-то бытовки, сарайчики остались, могли спрятать и там. Да, разворотили землю-матушку тут основательно, думал Лев, спускаясь по дороге, по которой из карьера, видимо, вывозили породу. Пару раз умудрившись разглядеть следы волочения кабеля, он надеялся найти и сам тайник, если кабель просто не бросили в укромном месте карьера.

У самой воды ему пришлось остановиться. Дальше было не пройти, тем более со свернутым в кольцо тяжелым кабелем, влево похититель пойти мог, но тогда получалось бы, что он возвращался назад. Неужели не продумал заранее, где спрятать? Глупо! Или для пьяницы вполне подходящий по своей сумбурности поступок? Нет, это все-таки не он, пьяница не влез бы на столб, не осилил бы тянуть такую тяжесть.

Гуров вдруг замер. Он бросил последний взгляд вправо, собираясь обходить искусственное озерцо в карьере с левой стороны, и тут ему в глаза бросился небольшой камень, который ранее, видимо, торчал из рыхлого обломочного материала. И его сдвинули! Да, именно грубо, нечаянно, плюясь и матерясь от усталости, зацепили мотком кабеля и вывернули из щебня. Вот и еще сохранился вполне характерный след. Гуров покачал камень ногой, и тот легко поддался. Вывернуть его было несложно, а форма у него продолговатая, вот он след и оставил!

Гуров шумно выдохнул и осмотрелся по сторонам. Скверное местечко. Уединенное, тихое. И кто-то с большим трудом притащил сюда с не меньшим трудом снятый со столбов телефонный кабель и... утопил его в воде. Лев подобрал обломок доски на берегу и вошел в воду по колено. Наклонился, потыкал деревяшкой в воду, но до дна не достал. Значит, дно резко уходит вниз. Видимо, глубина тут может достигать до нескольких метров.

Из карьера Гуров выбирался с огромной осторожностью. Меньше всего он хотел, чтобы его кто-то увидел выходящим отсюда. Никто не должен даже догадываться, что он проследил судьбу украденного кабеля. Есть над чем поразмыслить, и совсем не стоит сейчас привлекать к себе внимание своими интересами.

Отойдя от карьера на полкилометра вдоль леса, сыщик свернул наконец к поселку. Странная это была околица. Здесь почти не сохранилось жилых домов, хотя место очень удобное – и к лесу близко, и чуть на возвышении. Значит, сухо фундаментам и погребам. Правда, сейчас тут почти ничего не осталось, лишь захламленные квадраты и прямоугольники, подсаживающие, где стоял дом и подворье. Конечно, хорошее бревно никто так не бросит, растащили со временем. И камень фундаментный растащили, и печной кирпич. Да, не стало хозяев, и разобранные дома пошли в дело. А вот ветхие домишки есть. И дымок из трубы вьется. Видимо, доживают свой век одинокие старики, которым и податься отсюда некуда, Чебриков о них рассказывал. Хорошо хоть пенсию им сюда привозят, да и магазинчик еще теплится в поселке.

Кстати, магазин ему и нужен. Гуров подходил к одноэтажному кирпичному зданию. Не фанерный киоск, не временка, не строительная бытовка, наскоро переделанная в торговую точку. Вполне добротное здание под шиферной крышей, с зарешеченными окнами и солидной входной дверью. А еще с задней части здания явно слышался звук работающего компрессора. Значит, в магазине и холодильник для товаров есть.

Внутри было тепло, светло и чисто. С потолка большой торговый зал с Г-образным прилавком вдоль стен заливал свет люминесцентных ламп. Он отражался и в бутылках винной секции, и в чистых стеклянных крышках холодильных прилавков с колбасой, сырами... даже мороженым.

Мужчина в камуфляжной пятнистой куртке и таких же, как у Гурова, болотных сапогах оглянулся и равнодушно глянул на вошедшего. Серые глаза смотрели без выражения из-под надвинутой на лоб пятнистой камуфляжной кепки. Гурова это немного удивило. В любом другом месте, где жителей пересчитать по пальцам и где населенный пункт находится на задворках вселенной, каждый новый человек вызывает хотя бы интерес. Невозмутим, как индеец, подумал Лев, наверное, охотник, вон и зачехленное ружье. Молод, лет тридцать пять. Живет здесь или приехал поохотиться?

Пока он выбирал среди скудного ассортимента между сосисок и четырьмя видами колбасы, пышнотелая продавщица о чем-то тихо разговаривала с охотником. Понятное дело, подумал Гуров, спиной чувствуя, что на него смотрят, такие женщины без внимания не остаются нигде, даже в такой вот глухомани. Обязательно найдется кто-то из приезжих, кто начнет кружить голову местной лесной фее. А почему я сразу решил так, что он приезжий, да и неприязнь какая-то к нему возникла? Почему? Не знаю почему, но в разведку я бы с ним не пошел.

– А вы к нам с участковым приезжали? – вдруг спросила продавщица, когда Гуров определился с выбором на витрине.

– У вас тут не богато с пассажирским транспортом, – пожал плечами Лев. – Ваш Чебриков – не более чем оказия.

– А вы по каким к нам делам? – взвешивая колбасу, продолжала интересоваться женщина. – У нас тут чужих почти и не бывает. Не ездят к нам.

– Это я заметил, – ушел от прямого ответа Лев. – А позвольте примерить сапоги?

– Да, пожалуйста, – рассмеялась продавщица. – Хоть все перемерьте.

Гурову показалось, что охотник сделал женщине знак прекратить расспросы. Показалось ли? А ну-ка, проверим!

– Ну, как вы полагаете, молодой человек? – Гуров посмотрел на охотника, продемонстрировав свою ногу в юфтевом утепленном сапоге на толстой подошве. – Сойдет для здешних мест?

– А это смотря на сколько вы приехали, – облокотившись на прилавок, ответил охотник. – И как будете ухаживать за кожей.

– Вы, я смотрю, тоже не местный, – улыбнувшись, произнес Гуров.

– Да как сказать. – Охотник повернулся к продавщице, подмигнул ей, забросил на плечо чехол с ружьем. – Что есть родина? – И с этой философской фразой вышел из магазина.

Гуров внешне остался равнодушным к уходу мужчины и весь сосредоточился на сапогах, которые выбрал.

– Наверное, надо брать, – сказал он, подходя к прилавку. – В резине весь день ноги устают, а вода у вас не везде. Есть и сухие места, как я заметил.

– А вы вообще кто будете-то? – поинтересовалась продавщица, не скрывая своего любопытства.

– А я по линии охотничьей инспекции, – широко улыбнулся Гуров, проверяя ее реакцию. Беспокойства не последовало.

– Ружья у наших стариков проверять можно и в ботиночках. А если в лес пойдете, то надо по погоде судить. Да еще смотря куда пойдете. А сапоги такие у меня ребята с лесхоза брали, не жаловались. Только вы бы и материальчика на портяночки у меня взяли, дядечка. Много ходить будете, носков не напасетесь, да и ноги собьете. В армии-то служили, наматывать умеете?

Гуров вернулся домой первым и решил, порывшись по кастрюлям и холодильнику, приготовить обед. Через час явился Чебриков, принюхиваясь к запаху супа с тушенкой.

– Хозяйничаете?

– Да вот решил тебя побаловать, – засмеялся Лев. – Чувствую, что твоя холостяцкая жизнь сильно бьет по твоему желудку. Ленишься готовить? Или сошлешься на занятость?

За обедом лейтенант докладывал о проделанной работе. Обошел он почти весь поселок, переговорил с парой десятков местных жителей.

– Короче, два дня Калинина уже никто не видел, Лев Иванович. Многие говорят, что дело обычное. Когда глава местного самоуправления Буняк уезжает, техник тут же срывается в запой. А при нем еще как-то держится.

– Значит, ничего необычного в его поведении нет. А где его искать?

– С этим беда. Есть пара-тройка мест, где он, как говорят, мог заночевать по пьяному делу. Но я обошел их все. Нет его нигде!

– Странные дела тут у вас творятся, Володя. Участковый пил запоем, связист тоже скатился. Может, в воздухе тут что-то такое есть, располагающее?

– А тут делать нечего, вот и пьют все кому ни попадя.

– Участковому делать нечего? – искренне удивился Гуров. – Единственному на весь поселок технику-связисту и по совместительству электрику нечего делать? Это, извини, отговорка, чтобы оправдать нездоровую тягу к алкоголю. Или второй вариант – кому-то выгодно представлять дело таким образом, что люди здесь пьют все.

– А если так и есть?

– А не так, Володя, не так! Железнодорожники, с которыми мы разговаривали в депо, алкашами не выглядят. Они свою дрезину кинулись чинить, а не заливать горе водкой. Мужики, что в лесхозе работают, тоже не алкаши, они деньги зарабатывают. А овечья ферма в полукилометре отсюда, я ее сегодня видел издалека? А промысловики? Я в магазине сегодня охотника видел. Лицо инженера, между прочим. Хотя, может, он городской и приезжает сюда только на сезон.

– Высокий такой, в камуфляже? Это Захаров, наверное. Он сюда часто летом приезжает. А в этом году он еще и за Оксанкой из магазина ухлестывать начал.

– Ну, я так и понял, что он с ней заигрывал. Между прочим, с легендой этой твоей я мог и вприсак попасть. Зря не придумал другую. Я ведь, как инспектор охотнадзора, должен был проверить у этого Захарова документы на оружие, лицензию на отстрел... кого-нибудь. Наверное, какие-то запрещения имеются, а я в них – ни ухом ни рылом!

– Документы-то у него на ружье в порядке. Об этом вы, Лев Иванович, не беспокойтесь. А насчет лицензий даже не думайте, вы же его не с дичью встретили и не в лесу во время стрельбы по медведям. Между прочим, вы смело можете в рамках этой легенды оставаться. А я всем, если спрашивать станут, скажу, что вы так к своим обязанностям относитесь. Для «галочки» отчет напишете, а сами отдыхать будете. По нашим временам, вполне «прокатит».

– Ладно, это не самое главное и не самая большая проблема. Меня беспокоят две вещи, Володя! Первая – безусловно, исчезновение Калинина. Его надо найти, причем найти срочно. Второе – исчезновение кабеля. Понимаешь, у меня появилось подозрение, что кабель бросили в карьер, утопили в воде. Что это означает?

– Что он как кабель для дальнейшей эксплуатации непригоден, – пожал плечами Чебриков.

– Согласен. Но в нем до черта меди и, как мне кажется, свинца. Он же экранированный. Это, по моим прикидкам, 20–30 килограммов цветных металлов. Если кабель в воде, я успокоюсь. Все просто, все объяснимо. А вот если его там нет...

– Тогда что? – удивленно спросил участковый.

– Пока я не готов тебе ответить на этот вопрос, – откладывая вилку, произнес Лев. – Но мне видится, что причин кражи кабеля со столбов, при самой буйной фантазии, можно придумать только две: либо его украли с целью личной наживы, либо с целью повреждения связи.

– А кому и зачем нужно повреждать связь? – нахмурился участковый, которому, как понял сыщик, стало очень неуютно от такой мысли.

– Хрен их знает, – коротко ответил Гуров и встал из-за стола. – Это если тебе нужен емкий ответ по-русски. Другого пока нет. И давай-ка мы с тобой втихую провернем одну операцию. Нужна крепкая веревка, метров двадцать, я думаю, хватит. И нужна металлическая «кошка».

– Вы хотите проверить карьер? Забрасывать «кошку» в воду и тянуть?

– Правильно, – усмехнулся Лев. – Свернутый кабель – штука заметная, стальным крюком мы его быстро зацепим, а уж вдвоем как-нибудь на берег выволочем. А нет, так можно ведь и в воду залезть, руками пощупать, что мы там поймали.

– Я так понял, что, в случае чего, лезть мне, – улыбнулся участковый.

– Ну, ты помоложе, – развел руками сыщик.

– Веревка, кстати, у меня есть. Я пару недель назад мужикам ее давал машину из грязи вытаскивать. Крепкая веревка. И «кошку» можно в депо посмотреть. Сварить, в крайнем случае.

– Не стоит привлекать к нашим поискам слишком много внимания. Мы можем спугнуть преступника или преступников. Мы же не знаем, кто они.

– Тогда в карьере что-нибудь поищем. Там хлама всякого, в том числе и металлического, всегда полно было. Кстати, Лев Иванович, никто его оттуда не выгребает и в город везти не бросается. Это вам к вопросу о желании пропить кабель.

– Молодец, – вздохнул Гуров, – соображаешь. Хотя цветной металл и подороже, но и черного тут собрать можно на приличную сумму. А не собирают!

После обеда они отправились в карьер разными дорогами. Сыщик прятал под курткой моток веревки, Чебриков засунул в задний карман форменных брюк пассатижи. Минут через тридцать хаотичного передвижения по поселку и проверок на возможного наблюдателя, Гуров спустился наконец в нужную часть карьера. Он, когда сегодня выходил отсюда, видел какие-то железки среди камней и решил этим воспользоваться.

Чебриков появился через пять минут. Он шел почти неслышно, за что сыщик его мысленно похвалил.

– Ну, нашли чего-нибудь? – шепотом спросил лейтенант.

– А что ты шепчешь? Нас легче увидеть, чем услышать. Вот смотри, три прутка из толстой проволоки, ржавые, но, думаю, выдержат. Главное, чтобы у нас сил хватило согнуть их.

– Дайте я. – Чебриков взял у Гурова один прут, подошел к почти отвесному участку стены карьера.

Подходящая щель нашлась быстро, примерно на уровне пояса. Чебриков забил прутком камнем наполовину, а потом всем телом навалился, сгибая металл, который без труда поддался. Через несколько минут три лапы «кошки» связали проволокой на конце веревки. Гуров подошел к воде и показал Чебрикову камень, который, по его мнению, был сдвинут, и место, где, по его предположению, в воду бросили свернутый кабель.

– По пояс тут зайти можно. Я в «болотниках» заходил по колено и мерил глубину дальше палкой. Если вдвоем, то можно раскачать и забросить. А если один... Черт его знает, может, он с надувной лодкой сюда приходил кабель прятать. Знаю, что глупости говорю, но пока версий у меня нет. Давай ловить нашу «рыбку»!

Участковый отошел в сторону и уселся на камень. Гуров размотал в воздухе свое «орудие» и забросил «кошку» метров на десять в воду. Коротко булькнуло, и по темной поверхности пошли круги. Сыщик начал вытягивать веревку, но ничего интересного «лапы» не зацепили.

– И пришел невод с одной травой морскою, – продекламировал со своего камня Чебриков.

– Гляди, какие участковые нынче начитанные пошли, – проворчал Лев, выбирая веревку и снова разматывая ее для броска. – Думаешь, бестолковое дело затеяли? Так для того, чтобы это понять, нужно сначала сделать, а потом уж по результатам судить. – И крюк снова полетел в воду, теперь уже правее.

– Вы зря с места на место переходите, – вдруг посоветовал Чебриков. – Вы с одного места сектор за сектором обследуйте, потом можно сместиться метров на пять, и снова по секторам.

– Хм, умный совет, – чуть подумав, согласился Лев. – Так, сюда я бросал, теперь вот сюда.

Крюки на конце веревки взвились в воздух и улетели с коротким бульканьем в воду. Гуров снова потащил на себя веревку, и, когда показался крюк, Чебриков вдруг мгновенно соскочил со своего камня и подошел к сыщику:

– Что это?

На одном из трех крюков болталась мокрая тряпка. Гуров подошел к воде, присел рядом с крюком на корточки, снял обрывок ткани и повертел в руках. Ткань синтепоновая, курточная. Лев расправил ее на ладони и увидел кусок ромбовидной нашивки. Из букв, сохранившихся на куске, можно было прочесть только: «... мпания УРАЛ-СЕВЕР».

– Что это? – спросил он задумчиво, повернувшись к Чебрикову. – Тебе это о чем-то говорит?

– «УРАЛ-СЕВЕР» – это местный провайдер телекоммуникационных систем, – тихо ответил тот. – Интернет, цифровое телевидение, телефонная связь...

– Смесовая ткань. Из такой куртки шьют спецодежду верхнюю, непромокаемую, например, для связистов. У кого в вашем поселке могла быть такая куртка, а?

– Значит, он там? – кивнул на воду Чебриков.

– Думаю, да, – вздохнул Гуров, поднимаясь с корточек и отряхивая руки. – Удивительное постоянство прятать трупы в одном и том же месте, не находишь? И кабель где-то здесь. Почему?

– Самое глубокое место, например, – предположил участковый. – А в тайге и я бы прятать не стал. В поселке достаточно охотников, которые легко по следам найдут что угодно. Да и с собаками кое-кто ходит на зверя. Тело могли найти просто случайно. А в карьер никто не ходит, тут ведь даже ребяташек нет.

Глава 3

Чебриков проявил завидную энергию и красноречие, которые Гурова приятно удивили. Может, лейтенант просто не имел еще настоящего дела, не раскрывал настоящего преступления, а тут подвернулся случай, и все то, зачем он пошел служить в полицию, выплеснулось в нем наружу. Вот она, романтика, вот настоящие преступники. Не нравилось Гурову только то, что гибель человека как-то не вызвала в молодом участковом соответствующих чувств. Может, он просто храбрится и не показывает их? Это присуще молодости, молодые часто почему-то стесняются проявлять настоящие чувства, считают это признаком слабости.

Гуров везде ходил с Чебриковым, изображая, как они и договорились, человека, не имеющего отношения к полиции. В железнодорожном депо шестеро мужчин возились с ремонтом старенького полувагона. За исключением здоровяка Бори Плетнева, все они были пенсионерами. Здесь же стояла мотодрезина, которую безуспешно пытались починить седовласый машинист Рыбников и его помощник, лопоухий весельчак Лешка Штыков.

– Ну что? – Чебриков подошел к старому машинисту, когда тот спустился на бетонный пол и уселся на лавку, вытирая руки ветошью.

– А ничего, – пожал плечами Рыбников. – Поршневая износилась. Ну, клапана еще. Клапана мы переберем,отрегулируем, а вот колечки... Я послал Лешку, может, найдет.

– Поршневые кольца? – удивился Гуров. – Здесь, в поселке?

– Ребята, вы что, думаете, что на этой старушке двигатель от самолета стоит? – рассмеялся машинист. – Это старенький, еще 72-го года движок МТ-10. Мотоцикл «Днепр» помните? Вот такой же, 32-сильный, четырехтактный. В поселке кое у кого еще остались мотоциклы, ржавеют по сараям. Может, и «Днепры» были.

– А вон и Леха, – пробасил с платформы Плетнев. – Кажись, пустой.

Штыков, что-то усердно жуя, перепрыгнул через смотровую яму и подошел к мужчинам. Осмотрел всех веселыми глазами и заявил голосом, полным оптимизма:

– Не-а, Александр Васильевич! Из «Днепров» тут один только в наличии. И тот стоит с распотрошенным движком, там даже поршней нет. Два «ижака» ржавеют, одна «два», вот и все. Там диаметры не совпадают.

– Это да, – кивнул Рыбников и посмотрел на участкового: – Вот и все, лейтенант! На сем ремонт окончен. Без посторонней помощи и без запасных частей ничего мы не сделаем. Ежели кто только на базар сбегает по-молодецки.

– Александр Васильевич, – посмотрел на возвышающуюся на платформе богатырскую фигуру Плетнева участковый, – отдайте мне на сегодня Лешку и Бориса. Помощь нужна молодых крепких ребят.

– Браконьеров, что ли, ловить? – поинтересовался Рыбников, пристально глянув на Гурова. – Это вы зря затеяли. Не стоит народ обижать. Их тут государство и так бросило выживать, как кто сможет, да вы еще террор начнете – для вас копеечный, а для них жизненный.

– Нет, – ответил Гуров, поняв, что старик имеет в виду его мифическую должность. – Это не по линии охотнадзора. Я тут тоже выступаю как добровольный помощник вашего участкового. Есть основания полагать, что в карьере в затопленной части находится тело вашего техника-связиста Калинина.

– Даже так? – Рыбников перестал вытирать руки и покачал головой. – Значит, полагаете, утоп по пьянке Сергей Сергеич? Чего их всех туда сразу тянет, как напьются...

– Вы кого еще имеете в виду? – тут же спросил Гуров. – Бывшего участкового Воронина?

– Его. И его тоже в карьере нашли, в воде.

– Так в чистом поле-то не умирают, там простудиться можно, проспаться и домой вернуться. А вот в воде тонут. А ближайшая вода у нас в карьере и есть. Чего же удивляться?

Эта простая и логичная речь могла разрядить обстановку. Хотя сам сыщик случайностью нахождения в течение одного месяца двух утопленников в одном карьере не считал. Но пусть другие считают это случайностью, как и старый машинист. Пусть преступники думают, что полиция тоже так считает. Ведь закрыли дело о гибели участкового Воронина.

Рыбников своего помощника отпустил с участковым без всяких разговоров. Бригадир ремонтников помялся, но тоже отпустил Плетнева. Гуров предложил сделать нечто вроде багра для облегчения поисков в мутной воде. Лешка тут же вызвался изготовить, воспользовавшись сваркой, а Плетнев попросил разрешения сбегать домой и надеть болотные сапоги. Мало ли! В воде искать, где и поглубже зайти понадобится. Участковый бросил взгляд на Гурова и разрешил, попросив парня поторопиться.

Плетнев появился минут через пятнадцать, когда Гуров, Чебриков и Штыков подходили к карьеру. И не один. Гуров мысленно ругнулся, но ничего поделать было уже нельзя, придется вводить в курс дела еще двоих. При чем этим двоим сыщик не особенно доверял. На грунтовой дороге вместе с Борей их поджидали Игорь Захаров и еще один мужчина, примерно его лет.

– Во, лейтенант, – показал рукой на новичков довольный Плетнев, – сосватал нам в помощь. А то че мы там вчетвером будем колупаться? Ребята крепкие.

– Игорь, – представился охотник, улынувшись почему-то Гурову. – А это мой одноклассник, Паша Бочкин. Вот, погостить приехал. И тоже из-за дрезины застрял.

Бочкин молча пожал всем руки, и они с Захаровым двинулись к карьеру первыми. Гуров незаметно поймал участкового за рукав и чуть придержал его, пропуская всех вперед себя. Они пошли замыкающими. Чебриков непонимающе глянул на сыщика, но промолчал. Гуров шел и смотрел на вновь прибывших. Эти двое уверенно двигались именно к тому месту спуска в карьер, куда бы всех повел и Чебриков. Спустившись, Захаров и Бочкин свернули не налево, а направо, как раз к тому месту, где, по мнению Гурова, и лежало на дне тело. Случайность или они наверняка знали, где спрятан труп Калинина?

– Ну, вот здесь, – обвел рукой затопленный участок Чебриков, когда они втроем, вооруженные самодельным багром на длинном, почти трехметровом шесте, спустились в карьер. – Я думаю, что вшестером мы справимся. Особенно если у нас есть такая силища, как Боря.

– Вот что, мужики! – Гуров решил понемногу брать руководство операцией в свои руки. – Какие тут глубины, никто из вас не знает, лазить по горло в воде – погода и время года не те. Я предлагаю сейчас разойтись по карьеру и среди всякого хлама поискать бревна и доски, которые сохранились получше. Может, нам удастся сделать что-то вроде плота.

Никто не возражал. Тем более что участковый, который в этом деле был для всех старшим, тоже загорелся идеей поискать, из чего сделать плот. Группа рассыпалась по карьеру. Кто-то бродил вдоль воды, кто-то полез вверх по склону. Край карьера был очень неоднороден – весь изрытый ковшами экскаваторов, несколько лет испытывавший на себе оползни; тут работали и бульдозеры, сгребавшие породу. Больше всего пейзаж напоминал кадры из фантастических фильмов о последствиях ядерной катастрофы, уничтожившей окружающий мир.

Гуров улучил минуту и догнал Плетнева, переворачивающего листы прогнившего металла, истлевшие бревна, оставшиеся от какого-то временного строения.

– Боря, слушай, а где ты этих двоих встретил? Они к карьеру шли?

– Кого? Пашку с этим... с охотником? Не-а, я их у магазина встретил. Смотрю, мужики вроде крепкие, да и без дела слоняются. Они там с продавщицей, с Оксанкой, болтали. Я рассказал им о наших поисках и позвал помочь.

– И они сразу согласились?

– Не то чтобы сразу. Этот, который с ружьем, тут же загорелся и стал Пашку подкалывать. Оксанка испугалась, когда я сказал, что мы, похоже, в воде связиста нашего нашли, рот зажала, а потом стала обоих гнать... ну, на помощь нам. Мужики вы, говорит, или не мужики. Они и пошли со мной.

– Значит, Пашка не хотел идти? – на всякий случай уточнил Гуров, делая вид, что внимательно рассматривает различный строительный хлам вокруг.

– Не горел желанием, – кивнул Боря. – А чего вы спрашиваете? Пашку, что ли, знаете?

– Нет, откуда? – пожал плечами сыщик. – Просто так расспрашиваю. Вижу, что один кинулся помогать людям, а второй как на каторгу попал.

– Не, Пашка мужик нормальный, – возразил Плетнев. – Я его, правда, толком не знаю. Он тут второй день как с почтальоншей на дрезине приехал. Но по разговорам, чувствуется, деловой. Я видел, как он тетку свою с дрезины снимал, как ее сумку почтальонскую до поселка пер.

– Лев Иванович! – раздалось снизу, почти от самой воды. – Смотрите, что мы нашли! Идите сюда.

Не ответив Плетневу, Гуров бросился на голос, принадлежавший железнодорожнику Лешке Штыкову. Шустрый парень, если в самом деле нашел что-то важное. Хорошо бы рядом с ним никого не было или был бы именно Чебриков. Информации мало, и лучше, чтобы она вообще не выходила из круга посвященных. А круг этот что-то стал очень интенсивно расширяться.

Гуров еще не видел Штыкова, но уже слышал, как кто-то ругнулся на него и предложил швырять камни поосторожнее. Потом раздался голос участкового, но что он говорил, Лев не разобрал. Когда ему удалось спуститься на берег, он увидел, что четверо членов его поисковой группы столпились неподалеку у пологой стенки нижней террасы карьера. Леша Штыков активно вытаскивал какие-то камни и отбрасывал в сторону. Он явно что-то откапывал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.